

Трула
Теума

Составитель
СТИВЕН ДЖОНС

СТРАШНЫЕ СКАЗКИ

Истории, полные ужаса и жуткости

Нил Гейман
и другие

•

Иллюстрации Алана Ли

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44+84(4Bел)-44
С83

Edited by Stephen Jones
FEARIE TALES

Печатается с разрешения издательства
Quercus Editions Ltd (UK)

Страшные сказки Истории, полные ужаса и жути : [антология] / авт.-сост. Стивен Джонс ; [пер. с англ. Е. Мигуновой] — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 544 с.
С83 ISBN 978-5-17-107129-5 (Мастера магического реализма)
ISBN 978-5-17-107134-9 (Эксклюзив Миллениум)

В самом начале XIX столетия немецкие лингвисты братья Якоб и Вильгельм Гримм начали собирать во всей Европе народные сказки, чтобы сохранить истории, устно передававшиеся из поколения в поколение. Братья Гримм стали авторами одной из первых антологий хоррора.

В наши дни, когда эти сказки обрели небывалую популярность, Нил Гейман, Гарт Никс, Ремси Кэмпбелл и другие мастера ужасов представляют свою трактовку классических сказочных сюжетов. Каждая из этих историй пугает и очаровывает по-своему, но объединяет их одно — все они написаны на основе самых ранних, не приглаженных цензурой версий знаменитых сказок.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe)-44+84(4Bел)-44

ISBN 978-5-17-107129-5
(Мастера магического реализма)
ISBN 978-5-17-107134-9
(Эксклюзив Миллениум)

Selection and Editorial material Copyright
© Stephen Jones, 2013
© Е. Мигунова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается Дот, с благодарностью

Введение

Не пугайте детей

В самом начале XIX столетия немецкие лингвисты братья Якоб (1785—1863) и Вильгельм (1786—1859) Гримм начали собирать во всей Европе¹ народные сказки, стремясь не только найти в них отображение культурной самобытности Германии, но и сохранить сами эти истории, веками передававшиеся из поколения в поколение в устной традиции.

Это привело к возникновению множества различных версий одних и тех же сказок в разных регионах (в особенности во Франции), и братья Гримм не только впервые собрали их в цельный манускрипт, выслушивая истории в изложении друзей, членов семей и других рассказчиков и записывая их, но и сохранили отображенные в этих историях древние религиозные верования.

Можно без преувеличения назвать Якоба и Вильгельма Гримм создателями одной из первых антологий литера-

¹ А точнее — по раздробленным немецким княжествам, которые еще ждали своего объединения в единую Германию. *Здесь и далее прим. переводчика.*

туры ужасов. Это связано с тем, что, несмотря на последующее редактирование и переработку различными авторами (включая самого Вильгельма), многие оригинальные истории содержат сцены крайне жестоких расправ и неявно подразумеваемую сексуальность, что сделало их в глазах первых рецензентов совершенно неподходящими для самых юных читателей (которые, впрочем, изначально и не были, по сути дела, их целевой аудиторией).

В более поздние версии сказок были добавлены духовные и религиозные мотивы, чтобы сделать их более вдохновляющими в глазах читателей из среднего класса, а мотивы жестокости, сексуальности и антисемитизма в то же время были значительно смягчены. Братья Гримм даже добавили вступления, в которых *советовали* родителям убедиться в том, что их отпрыскам будут доступны только те сказки, которые подходят им по возрасту.

В контексте культуры того времени воспитание во многом базировалось на страхе, и зачастую подобные сказки служили своего рода «предостережением», чтобы дети не вели себя дурно, а не то с ними случится нечто ужасное (бросят в огонь или съедят заживо).

Между 1812 и 1862 годами «Kinder- und Hausmärchen» («Детские и семейные сказки», или «Сказки братьев Гримм», как они стали называться позднее) были напечатаны семнадцать раз и многократно переработаны, число сказок постепенно росло, увеличившись в некоторых наиболее полных изданиях от 86 до 200. Книга также часто перепечатывалась незаконно, так что другие составители часто добавляли туда различные народные сказки.

Сейчас, спустя два столетия после того, как Якоб и Вильгельм впервые опубликовали свое собрание, эти сказки популярны как никогда. Правда, Голливуд (и особенно студия Уолта Диснея) достаточно вольно обходилась с наследием братьев Гримм практически с момента рождения кинематографа, а в последнее время мы бук-

важно завалены их «переосмыслениями», такими как связанная с темой вервольфов «Красная Шапочка» (2011), «Гензель и Гретель: охотники на ведьм» (2013) и «Джек — покоритель великанов» (2013), не говоря уж о различных версиях «Белоснежки», а также популярных телесериалах, таких как «Однажды в сказке» (“Once upon a time”) и «Гримм» (оба выходят с 2011 г.).

На протяжении многих лет даже о самих братьях Гримм снимались биографические фильмы (в которые щедро добавлялись элементы фэнтези), такие как «Чудесный мир братьев Гримм» Джорджа Пэла и немного более мрачная картина «Братья Гримм» Терри Гиллиама (2005).

А для этого издания я предложил нескольким известным писателям представить свои трактовки классических сказок, вдохновленные братьями Гримм или фольклорными историями из других культур. Поскольку задумано оно было прежде всего как антология ужасов, я поставил перед авторами единственное обязательное условие — чтобы за образец брались ранние, не выхолощенные цензурой, версии сказок.

Я рад сообщить, что все писатели, работы которых вошли в это издание, блестяще справились со своей задачей и создали свои собственные, уникальные версии классических историй, при этом неуклонно придерживаясь исходного материала.

Их работы — по-настоящему жуткие и волнующие истории, достойные XXI столетия.

В 1884 году в Англии был опубликован новый перевод сказок братьев, сделанный британской романисткой Маргарет Хант (матерью писательницы-фантаста Вайолет Хант). Я не только использовал некоторые из этих переводов как основу для современных сказок, но и поместил их в сборнике, вперемежку с оригинальным материалом.

Не все истории, написанные для этой книги, были созданы под влиянием именно братьев Гримм, но в этих случаях я постарался подобрать аналоги из числа более старых их сказок, либо связанных тематически, либо послуживших отправной точкой для более современных историй, сложенных после них. И, поскольку это как-никак антология ужасов, я позволил себе пополнить книгу парой малоизвестных «страшилок», изначально входивших в коллекцию немецких братьев.

Ну и, наконец, повторим предупреждение Якоба и Вильгельма, которое они адресовали своим читателям двести лет назад: несмотря на то что истории, вошедшие в это издание, основаны на сюжетах народных сказок и мифов, они, возможно, не совсем подходят для юных читателей.

Если, конечно, вы не хотите наполнить ужасом их крохотные умишки!

*Стивен Джонс
Лондон, Англия
2013 год*

Непослушное дитя

Жила-была своевольная девочка, которая не слушалась маму. Бог разгневался на девочку за ее своеобразие и послал ей болезнь, да такую, что никто из врачей не сумел ее вылечить и вскоре она умерла.

Девочку опустили в могилку и засыпали землей, как вдруг из-под земли высунулась детская ручка и помахала. Могилу снова и снова засыпали свежей землей, да только все было напрасно, рука каждый раз высовывалась наружу.

Пришлось матери прийти на могилку девочки и ударить по руке розгой. Как только она это сделала, рука убралась под землю, и непослушное дитя обрело, наконец, покой под землей.

Рэмси Кэмпбелл

Угадай мое имя

Дорин проснулась внезапно и попыталась понять, что же ее разбудило. На дальнем конце теннисного корта лаяла собака, другая вторила ей со стороны гольф-клуба, а затем Дорин услышала звуки из бывшей комнаты Анны. Там в кровати заворочался Бенджамин — «радионяня» одновременно искажала и усиливала звук. Дорин собиралась уже тихонько заглянуть к нему в комнату, но малыш затих, и она снова уронила голову на подушку. Перед тем как закрыть глаза, она бросила взгляд на прикроватные часы — те показывали полночь. Женщина совсем было задремала, когда до нее донесся тихий голос. «Теперь ты мой, Бенджамин», — сказал он.

Казалось, ночь навалилась на нее своей удушливой тяжестью и придавила, и все же Дорин сумела разлепить непослушные губы.

— Никогда этому не бывать. Убирайся, Денни, не то я вызову полицию.

— Я не отец мальчика. Его мать получила то, чего хотела, теперь мой черед.

Это наверняка был сон — в пустом доме некому было вступать с Дорин в разговор — но ее сковал ужас.

— И чего же хотела Анна?

— Чтобы сын был с ней, пока ему не исполнится год.

— Половину этого времени отец ребенка мучил ее и издевался. Может, этого она тоже хотела?

— Она пожелала — я исполнил. Она знала, какова цена.

От горя у Дорин навернулись слезы.

— Она сполна расплатилась за свою ошибку.

— Мы не о том говорим! — В голосе зазвучало раздражение. — Возможно, она надеялась обвести меня вокруг пальца, — продолжал он. — Но меня никому не обмануть, так что даже не пытайся. Настало мое время.

Дорин сама не понимала, что она пытается сделать — понять его или проснуться.

— Какое еще твое время?

— Твой год с Бенджамином почти на исходе, так что попрощайся с ним, пока еще можешь, Дорин.

— А вас как зовут, раз уж вы знаете мое имя?

— Моего не знает никто. — Дорин услышала приглушенный смешок, хотя, возможно, кто-то просто поскреб по пластиковому микрофону. — Увидимся в день его рождения, — произнес голос. — Я оставляю тебе знак.

Снова залаяли собаки, к ним присоединились другие. Их лай был реальным, и, Дорин это почувствовала, других звуков в ночи больше не раздавалось — поняв это, она заснула.

Поздним утром, лежа в постели, Дорин вспоминала свой сон. Возможно, она действительно боится, что к ним заявится отец Бенджамина, пронюхав, что ее муж уехал на совещание директоров? Но суд постановил, чтобы Денни держался от ребенка подальше, и в случае чего можно было вызвать полицию. А может, ей так тревожно потому, что ровно год назад, в свой первый день рождения, Бенджамин лишился матери. Именно поэтому Дорин хотелось постараться на этот раз устроить внуку настоящий праздник, и она обдумывала, как это сделать, когда услышала, что мальчик возится.

По утрам малыш всегда сонно бормотал какую-то невнятицу, будто его языку требовалось время, чтобы проснуться. «Пелена ветров, жир, цепь», ей почти верилось, что она может различить в его лепете нечто подобное, а то и такое: «Вепрь жарен во теплице» — и где он только берет эти слова? Лет тридцать назад она приходила в восторг, вслушиваясь в младенческие монологи Анны, но теперь старалась этого не вспоминать. Тем временем Бенджамин заговорил с Носиком и Ворчуном, плюшевыми мишками, которые спали с ним в кровати. Когда он принялся колотить по деревянным рейкам, не то изображая барабанщика, не то требуя свободы, Дорин вошла в детскую.

Бенджамин стоял, держась за спинку кровати, лицом к двери, и ей опять невольно вспомнилась Анна. Его крошечное личико было почти копией материнского — светлые волосы, высокий лоб, маленький вздернутый нос, пухлые губы, упрямый подбородок. Только брови у Анны в последнее время были постоянно нахмурены, а волосы она красила в самые разные цвета, но ни один из них не помогал привести ее супруга в мирное расположение — впрочем, его вообще мало что могло утихомирить. В прошлом году глаза у Анны потухли и стали безжизненными, как камни, а улыбка — Дорин видела ее совсем редко — больше походила на мольбу о помощи, даже после того, как она решилась порвать с Денни. По крайней мере, Анна практически довела дело до суда, но, возможно, из-за этого она боялась еще сильнее? Дорин предполагала, что так все и было.

— Готов к приключениям? — обратилась она к Бенджамину.

— Мщениям¹.

¹ Игра слов: adventures — приключения, avengers — мститель.

— Ах ты, маленький попугайчик! — улыбнулась Дорин и вдруг вздрогнула. Микрофон «радионяни», который она всегда ставила сверху на синий комод, валялся на полу. Было совершенно ясно, что Бенджамин не сумел бы дотянуться до провода, и она похолодела, осознав, что не слышала шума падения. Мелькнула мысль, что это ее ошибка: она сама что-то упустила — видно, стареет.

— Больше так не делай, Бенджамин, — сказала она, ставя микрофон на место.

Мальчик упрямо выпятил нижнюю губу.

— Я не делал, ба.

— Ну-ка, не шали. Если не ты, то кто же?

— Дядя.

— Какой еще дядя?

— Ходит ко мне.

— Кто к тебе приходит, Бенджамин? Это не твой... — выпалила она от волнения и нехотя договорила, — не твой отец? Это не папа?

— Не папа, — сказал малыш и засмеялся.

Дорин заподозрила, что он, возможно, просто повторяет за ней слова.

— А кто же тогда, Бенджамин?

Ребенок с озадаченным видом помолчал, потом произнес:

— Темно.

— То есть ты его не видел. А знаешь почему? Он не настоящий. Это просто сон.

— Потрясен.

— Порой мне кажется, что ты меня дразнишь... — сказала Дорин, хотя сама в это не верила.

Конечно, Бенджамин наверняка задел микрофон, просыпаясь. Дорин взяла малыша на руки, и он, теплый со сна, обнял ее за шею. Ему не терпелось скорее окатиться на полу и пробежаться по комнатам. Дорин до-